

Москва — Третий Рим.

Принятие имперской идеологии

Последовательная программа реформ была немыслима без обоснованной идеологии, объединяющей новый статус московского правителя и задачи становления Московской Руси как новой восточноевропейской великой державы. Внедрение имперской идеологии происходило фактически на пустом месте, в государстве, совсем недавно преодолевшем раздробленность и сбросившем чужеземное иго.

Подобные проблемы вставали и перед другими государствами, их в разное время решали деятели разного масштаба, однако задачи такой сложности удавалось решить только великим историческим деятелям, например Августу, Карлу Великому, Александру Македонскому.

Выполнить задуманное молодому, энергичному и эмоциональному Ивану помогали настойчивые советы самых образованных людей того времени, подсказывавших ему, что конкретно он должен сделать. В то же время никто из соратников не мог, вероятно, подсказать царю стратегических

решений: он находил их и пытался реализовать самостоятельно.

Описывая реформы Избранной рады раннего периода, многие историки придают большое значение деятельности талантливого публициста Ивана Пересветова, говорят даже о кратком, но плодотворном периоде расцвета русской публицистики. Заслуги дворянина из Литвы, осмелившегося в конце 1540-х гг. подать челобитную молодому царю, уже прославившемуся грозным нравом, несколько преувеличены. Пересветов имел достаточный опыт, послужил литовскому князю и действительно имел много предложений по превращению Московии в спаянное изнутри государство. Он предлагал последовательную широкую программу реформ, затрагивающую вопросы финансов, местного самоуправления, формирования армии. Насколько Иван проникся его идеями и сколь велики оказались последствия челобитных Пересветова, неизвестно, однако очевидно, что реформы Избранной рады совпали с идеалами публициста во многом, вероятно, призывы челобитчика дополнили и усовершенствовали проект реформ.

Идеалом государственного устройства Пересветов провозглашал мощную Османскую империю, призывая государя перестроить свои отношения с подданными и знатью на турецкий манер. Военно-политические успехи мусульманской державы заставляли присмотреться к ее опыту, невзирая на различие в религии (идея, весьма новаторская в те времена).

Московия, по мысли Пересветова, должна была перенять преимущества Блистательной Порты (султанского правительства в Турции), став единственной мощной православной державой. Начав с частных проектов перевооружения московского войска, первый русский публицист сумел подняться до предложений об установлении военно-дворянской абсолютной монархии с перестройкой структуры высших эшелонов власти.

Византийская мозаика (XIII в.)

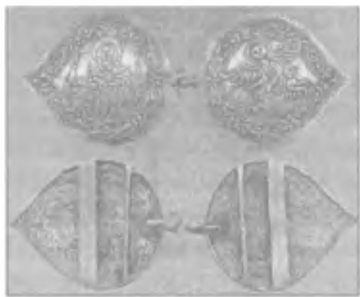
Деятельность Пересветова доказывает, что у реформ Избранной рады и царя Ивана су-

ществовала серьезная поддержка со стороны тех, кто понимал, какое сословие должно стать опорой нового государственного строя. Иван лишний раз убедился, что его политика находит отклик среди подданных, а его борьба против боярства не станет противостоянием одинокого государя и многочисленного правящего класса. Эта убежденность сыграла впоследствии важную роль в жесткой, бескомпромиссной политике царя. Возможно, что призыв копировать азиатскую державу очень подействовал на человека, который по материнской линии происходил от ханов Золотой Орды и в те годы занимался «собираанием земель» бывшего улуса потомков Батыея.

Одним из самых главных условий успешного распространения имперской идеологии стало одобрение и совершенствование ее церковным собором. Стоглавый собор превратил гипотетическую фантазию псковского старца Филофея, высказанную несколько десятилетий назад, в государственную идеологию: «Москва — Третий Рим» [9]. Отстаивая и формулируя эту идею, Церковь в первую очередь заботилась о собственном статусе и претендовала на роль преемницы после падения Византии. Несмотря на автокефалию Русской Церкви, она еще была не слишком уверена в своих силах и правильности отправляемых служб с точки зрения христианских канонов. Иван же понимал идею о новом Риме в Москве только как обоснование имперских притязаний. Существования двух смыслов этой идеи продолжалось до эпохи Петра Великого, когда важность церковных вопросов окончательно уступила место вопросам политическим и военным.

Обладая литературным талантом и хорошо зная силу художественного слова, первый царь всегда старался использовать ее для достижения своих целей. Решения Стоглавого собора скрупулезно выверены с точки зрения литературной формы, что придавало им беспрецедентную значимость и превращало из догматических дискуссий в акт государственной пропаганды. По поручению царя и под непосредственным руководством Алексея Адашева начала составляться новая официальная версия истории — важнейший элемент для любой имперской политики. Помимо родственных связей претензии царя обретали соответствующую родословную.

Тщательная работа заняла 13 лет, в результате чего появилась «Царственная книга» в 11 томах, дополнившая уже составлен-

Серебряная ладанка (XVI в.)

ное неизвестными авторами «Сказание о князьях Владимирских» и преувеличивавшая вес русского царя в европейской политике. Новую версию всемирной истории прекрасно проиллюстрировали, она стала частью Лицевого свода русских летописей, обобщая и канонизируя промосковскую версию истории

Восточной Европы. Сам Иван IV впоследствии неоднократно дополнял и исправлял получившийся в результате труд, сделав его политически злободневным и более реакционным.

Формирование империи на востоке Европы, оставшемся «ничьим» после падения Константинополя в 1453 г., завершилось. Московия приступила к решению беспрецедентной по значению геополитической задачи. Успех обещал грандиозные, хотя и трудно предсказуемые выгоды, поражение грозило подрывом сил страны и уничтожением всего достигнутого прежде. Молодой амбициозный и самоуверенный царь не боялся трудностей, любил рисковать. Величину его замыслов и претензий в то время мало кто мог понять и оценить, сам он пока предпочитал их скрывать. Тем не менее национальные задачи были поставлены уже тогда, все оставшиеся 30 лет своего правления Иван их более или менее удачно выполнял.

Русские дипломаты, не зная, чего ожидать от своевольного монарха, и не особенно уважая его действия, часто умалчивали о том, что действительно происходит в стране, оставляя иностранных послов в недоумении. Они, например, отказались предоставить полякам документальные подтверждения коронавания Ивана, не желая давать им повод к новым конфликтам. Сам Иван довольствовался ощущением собственного величия, откладывая схватки за престиж с иноземными владыками на будущее.

Он словно стремился отыгаться за годы мнимого почтения и величия, пребывания с малых лет «куклой» на троне. К тому же бояре никогда не упускали случая пробудить в монархе тщеславие и развращали его показным раболепием. Это укрепило в молодом царе убеждение в том, что Московия

должна стать самодержавной монархией. Непреодолимая воля к установлению личной абсолютной власти вызревала в нем постепенно и скрытно. Никто (даже любимая им супруга) не смог вовремя понять, что именно обдумывает и к чему действительно стремится Иван.

Он же самостоятельно принятые решения и сформулированные им самим идеи в молодости часто выдавал за мысли и предложения более авторитетных деятелей, принимая на себя роль художественного оформителя и исполнителя планов. Отсюда его показное послушание Избранной раде, подчеркнуто почтительное обращение с митрополитом Макарием и пристрастие к горячим и торжественным обещаниям и речам по самым различным поводам. Идею имперского самодержавия он стал открыто поддерживать и провозглашать после долгой беседы с монахом-отшельником Патрикеевым, который якобы и разъяснил Ивану истинные задачи первого русского царя и очертил границы его возможностей по отношению к подданным. Иван вернулся от него под большим впечатлением, экзальтированный и радостный. Теперь он был уверен, что не одинок в своих взглядах: его поддерживал один из самых авторитетных мыслителей, на мнение которого часто опиралось прошлое правление.

Создаваемая империя беспощадно боролась с любыми попытками подорвать влияние новой идеологии и обострить социальную борьбу. Иван в начале 50-х гг. решительно пресек попытки еретических идеологов превратить борьбу против боярского засилья в движение за социальное равенство. Московиты не должны были отвлекаться на междоусобную борьбу и сомневаться в воле свыше. Призывы Феодосия Косого к уничтожению богатства Церкви и фактическому уравнительному переделу собственности Церковь осудила, самого его сурово наказали. Та же участь постигла и Матвея Башкина, учение которого фактически сводилось к иконоборчеству и имело сильный социальный акцент. Поводов для опасного народного восстания Иван старался не давать, в идейной оппозиции он совершенно не нуждался. При поддержке бояр инакомыслие наказывалось все строже и строже.